

КНИЖНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУСИЗМЫ С АЛЬТЕРНАНТАМИ Щ / Ч В СПИСКАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 23.
УДК 812.161.1'06: 821.161.1'04;

Устюгова Л. М. Книжнослов'янзми й русизми з альтернантами Щ / Ч у списках «Повести временных лет»; 14 стор.; кількість бібліографічних джерел — 19; мова російська.

Анотація. У статті Л. М. Устюгової «Книжнослов'янзми й русизми з альтернантами Щ / Ч у списках «Повести временных лет»» досліджуються особливості вживання співвідносних книжнослов'янзмів і русизмів з альтернантами Щ / Ч та встановлюються причини різночитань у списках пам'ятника.

Ключові слова: книжнослов'янзмізм, русизм, альтернанти Щ / Ч, співвідносні лексеми, різночитання.

Summary. L. Ustjugova in the article «Book-slavonic-word and russian-word with the alternates Щ / Ч in the lists of «Fale of Bygon Years»» investigated the features of their use in text. She sets them stylistic functions in the lists of chronicle.

Keywords: Book-slavonic-word, russian-word, alternates of Щ / Ч, correlative lexemes, variant reading.

Проблема взаимодействия книжнославянизмов¹ и русизмов, образующих пары соотносительных лексем, в процессе становления и развития русского литературного языка без преувеличения может быть названа одной из наиболее интересных и вместе с тем до сих пор ещё недостаточно исследованной на конкретном языковом материале. Данная статья является частью подготовленной нами монографии «Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в списках «Повести временных лет» (к вопросу становления нормы древнерусского литературного языка)». В ряде статей нами рассматриваются особенности использования в списках указанного памятника лексем с неполногласными и полногласными сочетаниями в корнях [см. 9 – 15]. Настоящим исследованием мы начинаем публикацию материалов о книжнославянизмах и русизмах, различающихся по признаку Щ / Ч. Эти лексеммы в тексте «Повести временных лет» (далее – Пов. вр. л.) представлены значительно меньшим количеством случаев своего употребления, чем лексеммы с неполногласными (-trat) и полногласными (-torot-) сочетаниями: только в разночтениях нами зафиксировано 76 пар соотносительных -trat- / -torot-лексем, в то время как коррелятивные книжнославянизмы и русизмы с альтернантами Щ / Ч не превышают 10 пар. Частотность употребления этих книжнославянизмов и русизмов сравнительно невысокая [см. 1, 2, 17 и др.]. В отличие от ряда -trat- / -torot-лексем, многие книжнославянизмы и русизмы, различающиеся по признаку Щ / Ч, в Пов. вр. л. представлены в однотипных контекстах, т. е. связаны с минимальным количеством наиболее стандартизованных случаев употребления этих групп древнерусской лексики. Тем не менее, анализ книжнославянизмов и русизмов с альтернантами Щ / Ч позволяет не только расширить модель описания, но и проверить выводы, полученные при исследовании -trat- / -torot-лексем, на другом лексическом материале.

Альтернанты Щ / Ч, зафиксированные в представленных в Пов. вр. л. соотносительных лексемах, восходят к 2-м группам праславянских сочетаний – [*kti], [*gti] (дѣщи / дѣчи, ношь / ночь, пещера / пещера, помощь / помочь) и [*tj] (хочю /

хочю, хоцещи / хочещи и др. формы глагола хотѣти). Кроме того, в тексте анализируемого памятника соотносительными являются лексеммы наушение 'подстрекательство' и научение в значении 'научение, подстрекание' [6: т. V, с. 211], у которых Щ восходит к сочетанию [*stj] (ср. наустити), а Ч – к праславянскому [*k], изменившемуся по 1-й палатализации в [*č] (ср. наука). Это своеобразная гиперкоррекция, наблюдаемая, например, и в паре ставших соотносительными лексем сребро / серебро, праславянская форма которых *sъrebro [16: т. 3, с. 606] не имела дифтонгического сочетания *er между согласными.

В настоящей статье, ввиду её заданного объёма, мы рассмотрим только две пары коррелятивных лексем – дѣщи / дѣчи и ношь / ночь. Основная цель данного исследования – проследить характер использования указанных книжнославянизмов и русизмов в списках Пов. вр. л. [4] и по возможности установить причины имеющихся разночтений.

1. Лексеммы дѣщи и дѣчи

По данным Словаря ЧСАН и словарей древнерусского языка, указанные лексеммы имели значения, представленные в Таблице 1. Данные таблицы свидетельствуют, что для лексеммы дѣщи в старославянском языке характерно одно основное значение 'дочь' и специальное – 'крѣстная дочь', реализующееся в словосочетаниях дѣщи отъ свѣтааго крѣщения, дѣщи доуховнага: кѣмотрами своімі • і дѣштерьми • іже отъ с(вѣ)тааго крѣштеньѣ не сѣмѣшати сѣ Cloz; имѣю дѣщерь доуховною • юже есмь крѣстилъ Const [19: вып. 10, с. 536].

В древнерусских памятниках XI – XIV вв. лексема дѣщи имела 3 значения, в том числе и значение 'крѣстная дочь', иллюстрируемое примером из Пов. вр. л.: и ре(ч)иць переключала ма еси Вльга... и ѡ(т)пусти ю нарекъ ю дѣщерью собѣ [6: т. 3, с. 128]. Для этого книжнославянизма характерна сравнительно высокая частотность употребления, равная 430, в то время как частотность употребления русизма дѣчи в памятниках XI – XIV вв. в 5 раз меньше – 84. Кроме того, в течение всего древнерусского периода лексема дѣчи имела только одно значение – 'дочь'.

Таблиця 1. Значення лексем *дъци* и *дъчи*

Slovník jazyka staroslověnského (Словарь ЧСАН)	
<p>Дъци, дъциере. Дочь, дщерь. Срес. дъци отъ свѣтааго крещенна, дъци доуховнага [19: вып. 10, с. 536].</p>	—
Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)	
<p>Дъщи, -ере (частотность 430). 1. Дочь, лицо женского пола по отношению к своим родителям. 2. Лицо женского пола по отношению к старшему по возрасту и социальному положению. 3. Крестная дочь. [6: т. 3, с. 127-128]</p>	<p>Дъчи, -ере (частотность 84). Дочь, лицо женского пола по отношению к своим родителям. [6: т. 3, с. 127].</p>
Словарь русского языка XI – XVII вв.	
<p>ДЩИ (ДЪЩИ, ТЩИ) и ДЩЕРЬ (ТЩЕРЬ, ЩЕРЬ). Дочь. [7: вып. 4, с. 393]</p>	<p>ДОЧЬ (ДОЧИ, ДЪЧИ, ДЧИ). Дочь. [7: вып. 4, с. 347].</p>

В списках Пов. вр. л. лексемы *дъци* / *дъчи* употребляются в основном в значении ‘дочь’ (за исключением 2-х примеров из летописной статьи 955 г., в которых книжнославянизм *дъци* представлен в значении ‘крестная дочь’: *она же рече како хочешы мя пояти креститъ мя самъ и нарекъ мя тѣщерью* Л-955, 34²). В Лаврентьевском списке (далее – Л-список), самом раннем из сохранившихся (1377 г.), зафиксировано 15 случаев употребления книжнославянизма *дъци* (орфографические варианты *дци, тѣци, тци*) и 7 примеров русизма *дъчи* (*дчи, тѣчи, тчи*). Указанные лексемы только в этом списке образуют коррелятивную пару, выбор одного из членов которой, как правило, имеет достаточно отчетливо осознающуюся мотивировку. Книжнославянизм *дъци* в Л-списке зафиксирован прежде всего в контекстах книжно-славянского типа древнерусского литературного языка [3]: *в се же время сииде дъци фараонова Ферьюфи купаться* Л-986, 62; *приведе [и] дъци фараоноа ко отъцю своему* Л-986, 62.

Лексема *дъчи* локализуется в Л-списке в основном в пределах статьи 960 г., в которой излагается легенда о сватовстве Владимира к Рогнеди, а также в рассказе о семейных делах Владимира: *Володимеръ... посла ко Рогъволоду... глаголя хочю пояти тѣчерь твою собѣ женѣ* Л-, 46; *онъ же рече тѣчери своеи* Л-, 46; *повѣдаша ему всю речь Рогнѣдину и дѣчерь Ровволожою* Л-, 47; *Володимеръ... дѣчерь его поя женѣ* Л-, 47; *от нея же роди... •в• тчери* Л-, 50. Свидетельством того, что переписчик Л-списка воспринимал русизм *дъчи* как элемент, ещё вполне приемлемый для книжного повествования, является употребление этой лексемы в Рассказе о северных народах, выдержанном в традициях книжно-славянского типа древнерусского литературного языка: *болгаре суть от дочерю Лютову* Л-1096, 154. В Л-списке зафиксирован и случай совмещения книжнославянизма *дъци* и русизма *дъчи* в пределах тесно связанного контекста, который мы квалифицируем как пример варьирования языковых средств: *и поя Володимеръ за Юргя Аепину дѣчерь Осеневу внучку*

а Олегъ поя за сына Аепину дѣчерь Гургеневу внуку Л-1107, 189. Подобные примеры являются наиболее убедительным подтверждением того, что лексемы *дъци* и *дъчи* функционируют в Л-списке ещё как соотносительные.

Проанализированным материалом ограничиваются случаи употребления в Л-списке русизма *дъчи*. Данный список характеризуется преимущественным использованием книжнославянизма *дъци*, который встречается не только в контекстах книжно-славянского типа языка, но и в документальных погодных записях, отражающих, как правило, народно-литературный тип древнерусского литературного языка. Ср.: *ведена дци Володарева за царевича* Л-1104, 189; *в се же лѣто преставися Катерина Всеволожа дци* Л-1106, 190; и др.

Особенностью Ипатьевского (И-), Московско-Академического (А-), Хлебниковского (Х-) и Погодинского (П-) списков Пов. вр. л. является последовательное использование только книжнославянизма *дъци*. И лишь в Радзивилловском (Р-) списке зафиксировано два примера употребления русизма *дъчи* в погодной записи (*ведена Предѣслава дчи*+++³ *Святополча за королевичь* Р-1104, 151; *ведена дчи*++ *Володарева за царевича* Р-1104, 151), которые на фоне 20 случаев использования книжнославянизма *дъци* воспринимаются как «случайные проникновения», появившиеся в силу каких-то окказиональных причин. Такое предположение подтверждают и данные родственных Л- и А-списков, где в указанных примерах употребляется книжнославянизм *дъци*.

Таким образом, только в Л-списке Пов. вр. л., самом раннем из анализируемых, лексемы *дъци* и *дъчи* образуют коррелятивную пару, выбор членов которой в целом определяется наиболее стандартизованными случаями употребления книжнославянизмов и русизмов. Но и для этого списка характерно преимущественное использование книжнославянизма *дъци*. В списках XV – начала XVII вв. русизм *дъчи* оказался за пределами книжного повествования: он полностью вытесняется соотносительным книжнославянизмом.

2. Лексемы **нощь** и **ночь**

Указанные лексемы в древнерусском языке XI – XIV вв. имели одно значение – ‘ночь’, однако частотность их употребления в памятниках этого периода существенно различалась: у книжнославянизма она равна 831, у русизма – более чем в 6 раз

меньше (131) [6: т. V, с. 434 – 435]. Это даёт основание говорить о тесной связи древнерусского языка XI – XIV вв. со старославянской книжно-письменной традицией употребления лексемы *нощь*. В Словаре русского языка XI – XVII вв. у данных лексем представлено больше значений. Ср.:

Таблица 2. Значения лексем *нощь* / *ночь* в XI – XVII вв.

Slovník jazyka staroslověnského (Словарь ЧСАН)	
Ноць,-и. Ночь Ноциѣж. Ночью. Днь и ноць. День и ночь. Ноциѣж и дьниѣж [19: вып. 21, с. 441-442].	—
Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)	
НОЩЬ, -И (частотность 831). Ночь. Нощь, въ нощь, нощию, нощьми в роли нареч. Ночью, по ночам. Об нощь в роли нареч. Всю ночь, ночьюю. Свѣта нощь. Пасхальная ночь. [6: т. 5, с. 435-436]	НОЧЬ, -И (частотность 131). Ночь. Ночь, въ ночь, ночьюю в роли нареч. Ночью. На ночь – на ночлег. День и ночь, ни дьни ни ночи. [6: т. 5, с. 434-435].
Словарь русского языка XI – XVII вв.	
НОЩЬ (НОШТЬ). 1. Ночь. // образно. О тяжёлом, мрачном времени. 1539 г. 2. Тьма, мрак. XII – XIII вв. Нощию, в знач. наречия. 3. Север. 1680 г. [7: вып.11, с. 435-436].	НОЧЬ. 1. Ночь. 2. Ночь как один производственный цикл при ловле рыбы, а также улов, получаемый за одну ночь, и право на ловлю в течение одной ночи, на улов одной ночи. 1432-1445 гг. 3. Один производственный цикл в солеварении (в солеварнях Соли Камской он длился сутки, но, видимо, мог иметь неодинаковую продолжительность в разных местах). 1564 г. 4. Ночь, ночи, ночьюю, в знач. нареч. 5. Север. 1632 г. [7: вып.11, с. 433-434].

Из таблицы 2 видно, что в памятниках XV – XVII вв. (см. имеющиеся в таблице 2 указания на первые фиксации значений) появляются новые значения лексем *нощь* / *ночь*, причём у русизма их больше, чем у книжнославянизма. Соотносительность между этими лексемами сохраняется только в двух значениях – 1 / 1 и 3 / 5.

В тексте Пов. вр. л. зафиксировано 44 случая использования данных лексем в одном значении – ‘ночь’, причём во всех анализируемых списках преобладает книжнославянизм *нощь*, рано усвоенный древнерусским литературным языком (в Л-списке 35 примеров). Данный книжнославянизм сохраняется без изменений во всех анализируемых списках Пов. вр. л. в контекстах книжно-славянского типа языка, большая часть из которых является или текстами конфессионального содержания, или заимствованиями из книжных источников. Например: 1) *си бысть предѣтекуция кръстьяньстѣи земли... си бо съяше аки луна в ноци* Л-969, 40; *царь с патрархомъ... всю ноць молитву створиша* Л-866, 14; *рече Соломанъ... о добрыхъ женахъ... и въставъ и отъ ноци и дасть брашно ему... не угасаеть свѣтильникъ ея всю ноць* Л-980, 51;

2) *нынѣ приближися намъ спасенье ноць успѣа днь приближися* Л-988, 82; *водяшетъ бо я во днье столтъ облаченъ а в ноци столтъ огнь то се не столтъ водяше ихъ но ангель божи идыше*

предъ ними в ноци и во днье И-1110, 193;

3) *предъидяше предъ ними ноцью столтъ огнь* Л-986, 63; *и стражи приставиша ркуще еда украдутъ и но[цью] ученики его* Л-986, 70; и т. д.

Характерно, что в И-списке в заимствованиях из книжных источников, повествующих о событиях, близких по содержанию к тем, которые обычны для летописных рассказов оригинального происхождения, используется русизм *ночь*. Ср.: *Александру Макидоньскому ополчивъшу на Дарья... и ста на товарищи и почи и приспѣчь* И-1110, 194; *яможе тишетъ премудрыи Епифании къ коеиже твари ангель приставленъ... от нея же тмы вечеръ и ноць свѣтъ и днь* И-1110, 193, — т. е. в И-списке выбор книжнославянизма или соотносительного русизма определяется прежде всего типом контекста, а не его источником. Аналогичные явления мы отмечали для -trat- / -torot- лексем [10, 14, 15].

Во всех анализируемых списках Пов. вр. л. книжнославянизм *нощь* преобладает и в контекстах народно-литературного типа языка: *Ярославъ же... побѣже тои ноци* Л-1096, 171; *Всеславъ и бывши ноци утаивъся кыянь* Л-1069, 116; *въ едину ноць присла по мя князь Давыдъ* Л-1097, 177; *преставися епископъ володимерскыи Стефанъ... в часъ •гъ... ноци* Л-1094, 150; *в небеси погремѣ в часть •а •ноци* Л-1110, 190; и т. д.

Преимущественное использование книжнославянизма *нощь* в контекстах народно-литературного типа языка, на наш взгляд, обусловлено соотносённостью данной лексемы с рядом устойчивых словосочетаний-штампов книжного происхождения или отдельных предложно-падежных конструкций, выделившихся из этих словосочетаний. К ним относятся прежде всего словосочетания, построенные по модели «предлог *въ* + определение + *нощь*». Например: *въ едину бо нощь бысть без вѣсти* Л-1071, 117; *в другую нощь медвѣдь възлезъ угрызъ ею и снѣсть* Л-1071, 119; *в ту нощь посла Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торкы межси валы* Л-1095, 150. Книжнославянизм *нощь* образует устойчивые словосочетания также в соединении с лексемой *днь* — *днь и нощь*, *въ ноци* и *въ дьне*: *бѣ Ярославъ... к книгамъ прилежа и почитава часто в ноци и въ дьне* Л-1037, 102; *Антониш... копяя пещеру и не да собѣ упокая днь и нощь* Л-1051, 105; *Исакиш... приимаше раны и наготу и студень днь и нощь* Л-1074, 131. Лексема *нощь* является фиксированной и для оборота «дательный самостоятельный»: *и бывши ноци бысть тма молонья и громъ* Л-1024, 100; *Изяславъ же и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лъто и бывши ноци подъидоша противу собѣ* Л-1068, 112. Определённой устойчивостью обладает также сочетание книжнославянизма *нощь* с местоимением *всю* — *всю нощь*: *Святополкъ... всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею* Л-1016, 96; *бысть тако свѣтъ всю нощь* Л-1102, 185. Тот факт, что позднейшие переписчики Пов. вр. л. отчётливо осознавали соотносённость книжнославянизма *нощь* с рядом устойчивых словосочетаний-штампов и предложно-падежных конструкций, подтверждается следующими данными анализируемых списков. В Л-списке, например, в сходных контекстах в пределах одной статьи 1015 г. трижды используется русизм *ночью* (*бѣ бо Святополкъ Киевѣ ночьюю... проимавше помость* Л-, 83; *Святополкъ же приде ночьюю Вышегороду* Л-, 90; *послани же придоша на Лъто ночьюю* Л-, 90), а в зафиксированном в этой же статье словосочетании-штампе *в ту нощь* употребляется книжнославянизм: *в ту же нощь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передъславы* Л-, 95. О соотносённости лексем *нощь* и *ночь* с определёнными типами устойчивых словосочетаний свидетельствуют также выявленные нами различия между анализируемыми списками: *Святополкъ... на ту ноць приде Киеву* Л-1093, 146 — *в ту ноць* Р-, 126. Данное различие отчётливо указывает на то, что позднейший переписчик не просто заменяет русизм соотносительным книжнославянизмом, а производит замену целой предложно-падежной конструкции (*на ту ноць* > *в ту ноць*), так как именно с определёнными предложно-падежными конструкциями он соотносит лексемы *нощь* и *ночь*.

В отличие от книжнославянизма *нощь* русизм *ночь* в анализируемых списках Пов. вр. л. представлен единичными случаями своего употребления, причём, как правило, не совпадающими по спискам, за исключением одного примера: *Давы-*

дь... рече ми се молвилъ Василко синочи к Уланови и Колчи Л-1097, 177.

Наблюдения над использованием лексем *нощь* и *ночь* в основных списках Пов. вр. л. дают основание выделить предложно-падежную конструкцию *на ноць* и устойчивое словосочетание *на ту ноць*, для которых фиксированным является именно русизм. Например: *русь же ... на ноць влезоша в лодью* Л-941, 20; *приставиша к нему сторожѣ на ноць* Л-1097, 174; *Святополкъ ... на ту ноць приде Киеву* Л-1093, 146; *и на ту ноць ведоша и Бѣлугороду* Л-1097, 175. Характерно, что в И-списке в статье 941 г. зафиксирован диалектизм *на ноць*, лишний раз указывающий на соотносённость данной предложно-падежной конструкции с живой разговорной речью. Но эти словосочетания в списках Пов. вр. л. не обладают такой степенью устойчивости компонентного состава, как словосочетания, включающие книжнославянизм *нощь*. Так, в Л-списке в пределах одной статьи 1097 г. употребляются словосочетания *на ту ноць* и *на ту ноць*: *и на ту ноць ведоша и Бѣлугороду* Л-, 175; [*Мьстиславъ*] *и на ту ноць умре* Л-, 182. В Р-списке в составе указанного словосочетания используется только русизм *ночь* (*и на ту ноць умре* Р-, 146), а в И-списке, наоборот, только книжнославянизм *нощь*: *и на ту ноць ведоша и Звенигороду* И-1097, 175; *и на ту ноць умре* И-1097, 184. Переписчик А-списка, в отличие от переписчиков других списков Пов. вр. л., последовательно употребляет предложно-падежную конструкцию *на ноць*. Ср.: *русь же ... на ноць влезоша в лодью* Л-941, 20 — *на ноць* А-, 20; *приставиша к нему сторожѣ на ноць* Л-1097, 174 — *на ноць* А-, 129. В словосочетании же *на ту ноць* переписчик А-списка сохраняет русизм *ночь*: *и на ту ноць ведоша и к Белугороду* А-1097, 129. Следовательно, позднейшие переписчики Пов. вр. л. в целом соблюдали принцип соотносённости книжнославянизма *нощь* и русизма *ночь* с определёнными типами устойчивых словосочетаний-штампов и предложно-падежных конструкций, хотя применительно к отдельным словосочетаниям, не имеющим, видимо, установившейся традиции книжного употребления, допускали колебания в плане закреплённости за ними книжнославянизма или соотносительного русизма. Аналогичные явления мы отмечали при характеристике предложно-падежных конструкций *на брегъ* — *отъ берега* [9].

Исследование различий в использовании лексем *нощь* и *ночь* между Л- и И-списками показало, что количество случаев употребления русизма *ночь* в Л-списке почти вдвое превышает количество случаев употребления данного русизма в И-списке (соотношение 9: 5). В И-списке в соответствии с характерной для его протографа тенденцией к более чёткому разграничению контекстов народно-литературного типа языка и контекстов, выдержанных в традициях книжно-славянского типа древнерусского литературного языка, в статьях 1015 и 1074 гг. последовательно используется книжнославянизм *нощь*: *Святополкъ... ночьюю же межси клѣтьми проимавше помость* И-1015, 95; *Святополкъ же*

приде **нощю** к Вышегороду И-1015, 97; послании же придоша **нощю** И-1015, 97; Феодосии... рекъ сице **в нощи** похраните тѣло мое И-1074, 136. В Л-списке в приведённых примерах употребляется русизм *ночь*. Особенностью И-списка, как указывалось выше, является использование устойчивого словосочетания *на ту ночь* при сохранении русизма в составе предложно-падежной конструкции *на ночь*. В Л-списке в обоих случаях преобладает русизм *ночь*. В документальном летописном рассказе, в литературно обработанной народной легенде в И-списке зафиксированы примеры употребления русизма *ночь* в соответствии с представленным в Л-списке книжнославянизмом *нощъ*: *Володимеръ же повелѣ тои ноци* облещися въ оружье И-993, 90 — *тои ноци* Л- 84; *в ноци* в дунѣ по три ноци И-1104, 190 — *в нощъ... по •г• ноци* Л-, 188.

Следовательно, основной причиной увеличения количества случаев употребления книжнославянизма *нощъ* в И-списке является характерная для этого списка тенденция к устранению русизмов из контекстов книжно-славянского типа языка, нашедшая свое отражение не только в фактах использования ряда -*grat*-лексем в соответствии с зафиксированными в Л-списке -*totot*-лексемами, но и в примерах преимущественного употребления книжнославянизма *нощъ*.

Особенностью списков Л-группы (Академического и Радзивиловского) является уменьшение примеров использования русизма *ночь* по сравнению с Л-списком. В А-списке данный русизм представлен всего одним случаем своего употребления — *на ту ночь*. В Р-списке зафиксировано четыре примера использования русизма *ночь*, причём во всех случаях — в составе предложно-падежной конструкции *на ночь*: *русь же... на ночь* влѣзша в лодыи Р-941, 22; *приставиша к нему сторожи на ночь* Р-1097, 138; *и на ту ночь* везоша к Белугороду Р-1097, 140; *и на ту ночь* умре Р-1093, 146. Столь последовательное употребление русизма *ночь* в сочетаниях с предлогом *на* в Р-списке, для которого характерна тенденция к замене ряда зафиксированных в Л-списке примеров использования данного русизма соотносительным книжнославянизмом, является лишним подтверждением правомерности выделения словосочетаний *на ночь* и *на ту ночь* как словосочетаний, обладающих определённой степенью устойчивости компонентного состава.

Особенностью списков И-группы (Хлебниковского и Погодинского) является большее количество случаев употребления русизма *ночь* по сравнению с И-списком (8 примеров). В Х- и П-списках лексема *ночь* проникает даже в контексты книжно-славянского типа языка. Например: *моляшеся за сына и за люди по вся дъни и ноци* Х-955, 48 — *по вся дъни и ноци* в других списках. Кроме случаев использования русизма *ночь*, совпадающих с И-списком, в Х- и П-списках отмечены следующие примеры его употребления: *Святполкъ ... ноцию* межѣ клѣтми проймавшие помость Х-1015, 110 (совпадает с Л-списком); *приславъ Святославъ в ноци* поя Антония къ Чернѣгову Х-1074, 172 (со-

впадает с Л-списком); *а другиои ноци* бо страшухуть и въ образѣ медвѣжи Х-1074, 176 — *другоици* в остальных списках.

Наблюдения над использованием лексем *нощъ* и *ночь* в Х- и П-списках тоже подтверждают правомерность соотнесённости ряда случаев употребления данных лексем с устойчивыми словосочетаниями-штампами. Так, в статье 1074 г. в Х- и П-списках книжнославянизм *нощъ* отмечен в составе устойчивых словосочетаний *нощъ всю* (Х-, 166), *нощъ и дънь* (Х-, 173), *дънь и нощъ* (Х-, 175), *въ едину нощъ* (Х-, 175), *в ноци* (Х-, 167, 175). Вне этих словосочетаний используется русизм *ночь*. К вышеприведённым примерам можно добавить следующий: *оному же изнамагающю възрѣвъ на игумена рече не забываи игумене еже что ми еси ноци сеи обѣщал* Х-1074, 168. Отмеченные в Х- и П-списках случаи использования русизма *ночь*, совпадающие с Л-списком⁴, явились или результатом сверки текста их протографа с одним из списков типа Лаврентьевского, на возможность которой указывал в своё время А. А. Шахматов [18: 105], или следствием того, что отражённый в данных списках текст Пов. вр. л. не подвергся столь последовательной правке в плане устранения русизмов из контекстов книжно-славянского типа языка, как текст И-списка.

Отношения, выявленные между книжнославянизмом *нощъ* и русизмом *ночь*, распространяются и на однокоренные слова: во всех списках Пов. вр. л. преобладают дериваты с корнем *нощ-*: *поучивъ како проводити постное время в молитвахъ нощныхъ и дъневныхъ* Л-1074, 123; *югра... сѣдять с самоядю на полунощныхъ странахъ* Л-1096, 163; *си сквернии языки яже суть в горахъ полунощныхъ* Л-1096, 170; и т. д. Все анализируемые списки памятника характеризуются преимущественным использованием книжнославянизма *полунощъ* (в пространственном и временном значении). Соотносительный русизм представлен в основных списках Пов. вр. л. единичными примерами своего употребления: *копахомъ до полунощья* Л-1091, 139 — *до полунощи* Р-, 121 и А-, 110; *Двина идетъ на полунощье*⁺⁺ Р-, введ., 3 — *на полунощье* Л-, 5. Преобладание в списках Пов. вр. л. книжнославянизмов с корнем *нощ-* обусловлено, в числе прочих причин, и их соотнесённостью с рядом устойчивых словосочетаний: *молитвы нощные и дъневные, страны полунощные* и т. д.

Таким образом, все анализируемые списки Пов. вр. л. характеризуются преимущественным использованием книжнославянизма *нощъ*, представленного в составе целого ряда устойчивых словосочетаний. Для русизма *ночь* стандартизованное лексическое окружение было менее типичным, чем для книжнославянизма *нощъ*, в чём, на наш взгляд, и заключалась одна из основных причин сравнительно редкого употребления данного русизма даже в самых ранних списках памятника и его свободной замены соотносительным книжнославянизмом в списках XV века (имеется в виду прежде всего А-список). В тех случаях, когда русизм *ночь* входил

с состав словосочетаний, отличавшихся определённой степенью устойчивости, он, как правило, сохранялся и в поздних списках памятника.

Сравнительное изучение совпадающих случаев употребления лексем с неполногласными и полногласными сочетаниями и книжнославянизмов и русизмов, различающихся по признаку **Щ / Ч**, а также выявленных различий в их использовании между 6-ю основными списками Пов. вр. л., имеющими различную территориальную и временную приуроченность, показало, что наиболее последовательный и систематизированный характер имеют различия между списками Лаврентьевской группы (Лаврентьевский, Радзивилловский и Академический), с одной стороны, и списками Ипатьевской группы (Ипатьевский, Хлебниковский и Погодинский) – с

другой. Применительно к книжнославянизмам и русизмам с альтернантами **Щ / Ч** редакторская правка отражённого в списках И-группы текста Пов. вр. л. шла в направлении преимущественного использования ряда книжнославянизмов (*дъци, ноць, пещера, хоцещи, хоцеть*), хотя члены некоторых коррелятивных пар в списках И-группы, в отличие от списков Л-группы, представлены в основном русизмами (*помочь*). В своё время мы высказали предположение о том, что преобладание книжнославянизмов с альтернантом **Щ** в И-списке можно объяснить своеобразной реакцией севернорусских книжников на цоканье [8], но это предположение надо проверить на другом материале, чем мы сейчас и занимаемся в соавторстве с российской коллегой Е. Н. Бекасовой.

Примечания

¹ Термином ‘книжнославянизм’ мы обозначаем все разновидности функционирующих в древнерусском литературном языке лексических элементов, имеющих в своей структуре явно выраженные признаки соотносённости со старославянским (позже — церковнославянским) языком. Объединение в процессе исследования как собственно церковнославянских элементов, так и созданных по их моделям *славянорусизмов* (В. В. Виноградов), или *неославянизмов* (Г. Хютль-Ворт), мы считаем допустимым, потому что противопоставление *книжнославянизм / русизм* интересует нас прежде всего с точки зрения функциональной: книжнославянизм — элемент книжного, «устроенного», претендующего на «благообразность» повествования; русизм — элемент живой разговорной речи, по той или иной причине проникающий в книжное повествование.

² Орфография цитируемых примеров по техническим причинам упрощена. При паспортизации примеров указывается список, год летописной статьи в переводе на современное летоисчисление и лист (страница) рукописи или её фототипического издания.

³ Знаками ++, поставленными справа от слова, обозначены различия, не указанные в 1-м томе «Полного собрания русских летописей» [5].

⁴ В Л-списке отмечена тенденция к разграничению предложно-падежных конструкций *в ноци / в ночь*. Полное графическое совпадение данных конструкций в Х- и П-списках — *в ноци / в ночи* — явилось результатом замены в этих списках графемы Ъ буквой И. Ср.: *ночью Л- / ноцию Х-*.

Литература

1. Бекасова Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 2. – С. 90–94.
2. Бекасова Е. Н. О закономерностях генетической организации летописного и былинного текста // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка:Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – С. 14-19.
3. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. — М.: Наука, 1978. — С. 65-151.
4. Повесть временных лет (Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. — Российская Государственная библиотека, Отдел рукописей, № 236 [Академический список Пов. вр. л., А-список]; Несторова Российская летопись. — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, F • IV • 230 [Хлебниковский список Пов.вр.л., Х-список]; Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии (Фотолитографическим способом). — СПб., 1871 [И-список]; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссии (посредством светопечати). — СПб., 1872 [Л-список]; Погодинское собрание, № 1401. — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей [Погодинский список Пов. вр. л., П-список]; Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фототипическое издание. Общество любителей древней письменности. — СПб., 1902 [Р-список]).
5. Полное собрание русских летописей. — Л., 1926. — Т.1., вып.1.
6. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов; И. С. Улукханов; В. Б. Крысько: В 10-ти тт. — М.: Русский язык, 1988-2008. — Тт. 1-8.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов; Г. А. Богатова; В. Б. Крысько. — М.: Наука, 1975-2001. — Вып. 1-26.
8. Устюгова Л. М. Характер различий в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов в основных списках «Повести временных лет» (к проблеме становления норм русского литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1975 // Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.

9. Устюгова Л. М. Характер различий в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов в списках «Повести временных лет» (лексемы *брегъ / берегъ*) // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество. Сборник научных трудов / Под общ. ред. Л. А. Кудрявцевой. — К., 2004. — С. 491-497.
10. Устюгова Л. М. Стандартизованные случаи использования русизмов в памятниках народно-литературного типа древнерусского литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Філологія». — 2005. — № 11. — 90-98.
11. Устюгова Л. М. Русизмы как средство языкового варьирования в памятниках древнерусской письменности // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Філологія». — 2005. — № 12. — 18-25.
12. Устюгова Л. М. Отражение региональных книжно-письменных традиций в списках «Повести временных лет» // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 8: Збірник пам'яті професора Василя Добоша. — Ужгород, 2005. — С. 154-165.
13. Устюгова Л. М. Один из аспектов пространственно-временных отношений в русском и украинском языках // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в Украине. Сборник научных работ. — К., 2006. — С. 228-233.
14. Устюгова Л. М. Семантический потенциал лексем *голова* и *глава* в истории русского языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Філологія». — 2007. — № 16. — С. 63-69.
15. Устюгова Л. М. Семантический и словообразовательный потенциал лексем с корнями *-дерев-/-древ-* в истории русского языка // Учёные записки Таврического национального университета им. В.В. Вернадского, серия «Филология». — Том 21 (60), № 3. — Симферополь. — 2008. — С. 232-237.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. — М.: Прогресс, 1964, 1967, 1971, 1973.
17. Филкова П. Д. К истории взаимодействия церковнославянских и восточнославянских элементов в русском литературном языке (слова с **щ** и **ч** из **tj, *kt', *gt'* в своей звуковой форме) // Годишник на Софийския университет. — София, 1970. — Т. 64, с. 1-95.
18. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. — М;Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
19. Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovēnicae / Hl. red. J.Kurz. — Praha: Academia, 1958-1999. — Sv. 1-50.

Устюгова Людмила Михайлівна – доктор філол. наук Російської Федерації, професор кафедри російської мови УжНУ.